графической конкретности описания. После казни, пишет Епифаний, он «всполс на лавку... а руку мою сеченую положил на сердце мое и наиде на мя яко сон». Автор ощущает присутствие явившейся к нему богородицы, которая утешает его не какими-либо чудодейственными способами, а совершенно по-человечески — своими руками: «И слышу — богородица руками своими болную мою руку осязает, и преста рука моя болети... а пречистая руками своими над моею рукою яко играет, а мнит ми ся... к руке моей и персты приложила». И в этом случае, как только автор делает намеренную попытку продлить это чудесное общение, как бы установить обоюдные человеческие отношения с его посетительницей, богородица исчезает: «аз же грешный хотех рукою моею удержати руку богородичну, и не мог удержати, уйде бо» (249). Видение рассеялось, автор, «яко от сна убудихся», и начинает проверку увиденного. Казалось бы теперь, в состоянии бодрствования, он мог бы оценить свое положение при помощи непосредственного ощущения. Но поскольку в задачу автора входит материализация чуда, установление между видением и действительностью как бы реальных связей, он упорно продолжает описание того же ряда действий, которые только что ему представлялись: «И начах осязати левою моею рукою правую мою руку сеченую, ища у ней перстов, ано перстов нету, а рука не болит» (249).

Исцеление человека при помощи прикосновения рук святого встречается в житийной литературе. Например, Евфросин Псковский явился во сне иноку, искушенному дьяволом, «и осяза рукама главу его, и рече: „...отныне буди здрав“...».[32] Однако в агиографии эти эпизоды далеко не получают такого развития и художественной конкретизации, как у Епифания.

Видение отрезанного языка автора материализуется таким же путем последовательного описания действий его рук: «Аз же грешный простер руку мою левую и взем рукою моею со воздуха... язык, и положил его на правую руку... он же на руке моей ворошится... аз же... начах его обеими руками моими превращати,... и исправя его в руках моих... и положил его руками моими во уста мои» (253).

Описывая видения, автор совершенно реально и точно координирует положения своего тела и действия рук. Когда автор лежал «на левом боку», образ богородицы оказался на его «правой руке», а взять его он пытался «левою рукою». После казни правая рука автора сильно болела. Поэтому и языки показались ему «с левую сторону», он простер к ним руку «левую».

С наблюдением за собственными руками связывается также момент прекращения видения и перехода к действительности. Во сне автор пытался беса «рукою... крестом... оградити» и бился с ним, но потом бес «из рук моих выскочил и ушол» (236—237), чем и закончилось видение. Такими же наблюдениями обрамляется встреча автора с Евфросином, которого он «объем... рукама». Создается впечатление, что во время всей беседы друзья так и стояли обнявшись, так как в заключение ее автор сообщает, что его друг «из рук моих изыде и невидим бысть» (244—245). Но в некоторых случаях наблюдения автора за своими руками, начавшись во время видения, продолжаются и после его прекращения. Этот прием открывает перед автором новые возможности утверждения будто бы материального характера его столкновений с потусторонними существами. Видение материализуется в момент перехода от сна к действительности, однако условия для этого подготавливаются заранее. Так, в келью автора,

[32] Повесть о Евфросине Псковском, стр. 114—115.